

Передо мной лежат листы – копии послужного списка инженер-полковника (в отставке) Советской Армии Вдовина Петра Ивановича. Вся его жизнь была похожа на легенду, наполненную событиями, поступками и интересными встречами. Хочется о нём говорить и писать – настолько был простым, но в то же время и необыкновенным, этот человек.

30 сентября 1954 года он добровольно поступил в Ленинградское Высшее артиллерийское инженерное училище через Томашпольский районный Военный комиссариат Винницкой области.

27 августа 1958 года молодой инженер-лейтенант находился в распоряжении Командующего артиллерией, служил он в Ленинградском военном Округе, затем – в ракетном соединении Северного Флота, как написано в послужном списке, в качестве инженера группы.

Во времена, предшествовавшие известному Карибскому кризису 1961 года, поставившего мир на грань ядерного противостояния двух держав (США и СССР), был направлен в качестве специалиста-ракетчика на Кубу.

После разрешения кризиса и установления относительно мирных отношений с США – служба в Прикарпатском военном Округе.

Во второй половине 60-х годов прошлого века он добровольно согласился служить и воевать в статусе «китайского добровольца» (СССР в войне официально не участвовал), то есть, в качестве военного специалиста-советника участвовать в освободительной борьбе дружественного нам вьетнамского народа с американскими агрессорами.

После полученных ранений в этой войне возвращён на родину и, пройдя курс лечения и восстановив здоровье, в конце 60-х годов направлен для прохождения дальнейшей службы в Группу Советских войск в Германии, где служил много лет. В этот период закончил заочную Адъюнктуру военной Артиллерийской академии им.М.И. Калинина.

Заканчивал службу в должности главного инженера ракетной бригады.

Если смотреть только по послужному списку, то, выйдя в отставку, он какое-то время преподавал на военной кафедре Пермского политехнического института, а потом они с супругой Екатериной Филипповной решили переехать жить в Сибирь, на её родину. Поселились у её родителей в деревне Крохалёвке Коченёвского района Новосибирской области. Тогда ещё молодой и крепкий полковник в отставке, как говорят, отдался с удовольствием фермерскому делу: разводил различных животных и птицу в своём хозяйстве. Потом им с женой и детьми выделили трёхкомнатную квартиру в Октябрьском районе города Новосибирска, на улице Выборной. Вот такова, доступная нам, служебная биография человека, жизнь которого прошла, можно сказать, «на острие событий».

Я с ним познакомился в 2009 году на одном из занятий поэтического клуба, организованного на базе библиотеки

им. Т.Г. Шевченко в Октябрьском районе Новосибирска. Участниками кружка, которому они сами дали поэтическое название «Белая сирень», были непрофессиональные самодеятельные поэты и просто – любители поэзии, причём не только проживающие в этом районе, но и приезжающие со всех концов нашего большого города

Участнику Великой Отечественной войны, страстному любителю поэзии, пишущему стихи, полковнику в отставке Цейтлину Исааку Соломоновичу тогда было 94 года (скончался 28 октября 2015 года, не дожив десяти дней до 98 лет). С Петром Ивановичем Вдовиным они подружились не только потому, что оба писали стихи, но оба были профессиональными защитниками родины, жили в одном микрорайоне – поэтому часто встречались. Исаак Соломонович в шутку называл своего друга «сынок», так как был на двадцать лет старше Петра Ивановича. Он воевал в Великую Отечественную, а Пётр Иванович, через двадцать лет после той страшной войны принимал участие в борьбе с американскими агрессорами.

Особенностью «Белой сирени» являлось то, что, во-первых, им руководил такой необыкновенный человек и, во-вторых, то, что он жил и действовал рядом с Новосибирским Государственным педагогическим университетом. Члены клуба в этом учебном заведении периодически проводили встречи со студентами, представляли им свои поэтические труды и часто приглашали молодых людей на заседания своего клуба. Это было интересно, так как общались люди, можно сказать, трёх (и даже четырёх, учитывая руководителя) поколений.

В 2005 году какие-то молодчики, которых, конечно, так и не нашли, его, 67-летнего человека, избили смертным боем, буквально, запинали в деревне Крохалёвке на территории сельского кладбища, куда он ходил помянуть родителей своей жены. Кто избил и зачем, остаётся загадкой, оставалось

только догадываться. Побои были страшные, но сильный организм победил, постепенно Пётр Иванович поправился. Но всё-таки полученные травмы, нервное и психическое напряжение не прошли бесследно.

Через несколько лет пошли беды, одна – другой страшней. Начал терять зрение и постепенно, за два–три года, совершенно ослеп. Оценив философски ситуацию, продолжил активную творческую жизнь, только теперь его главными помощниками стали: память, портативный диктофон, телефон и, конечно, родные люди, близкие друзья и товарищи, в основном, из поэтического клуба «Белая сирень».

Посещая занятия этого клуба, я познакомился со многими интересными, пишущими стихи членами дружного коллектива. Пётр Иванович же с первых встреч заинтересовал меня не только, как поэт, но и в силу обстоятельств, которые, как оказалось, нас сблизили. Он в конце пятидесятих годов прошлого столетия проходил службу на Северном Флоте и, притом, рядом с местом службы в те годы Юрия Алексеевича Гагарина, и общие боевые задачи, выполняемые ими, где-то пересекались. Пётр Иванович знал многих лётчиков, бывал в их посёлке, но лично с Гагариным знаком не был.

Мне приходилось много раз бывать с Ансамблем в гарнизоне Корзуново, где в конце пятидесятих годов в морской авиации проходил службу Гагарин и откуда его и ещё несколько лётчиков отобрали в создававшийся в то время Отряд по подготовке будущих космонавтов. В начале семидесятих годов, когда я там бывал, хорошо помню, что в клубе на стенде висели три портрета космонавтов, вышедших из их гарнизона. Ещё мы встречали много людей, знавших будущих героев, помнили и рассказывали о Гагарине, его Валентине и их дочках. Как все лётчики, они были открытыми, добрыми людьми, жили все в щитовых домах посёлка, клуб и столовая, где нас после

концертов кормили, также были собраны из специальных строительных щитов. Рассказывали, что лётчики, как и жители посёлка, в том самом клубе занимались в художественной самодеятельности, отмечали праздники. Были с ними будущие космонавты и их жёны, ведь тогда они служили, как и все, и сами не знали своей дальнейшей судьбы. Познакомившись с Петром Ивановичем, узнал, что он бывал в Корзуново, по службе в качестве инженера-ракетчика летал на острова Новой Земли в закрытые гарнизоны, куда я с Ансамблем также летал.

Оказалось, что нам с Петром Ивановичем было о чём поговорить, что вспомнить, и мы как-то незаметно сблизились. Ещё ему понравились стихи моего брата Юрия Васильевича Карасёва, которые я представлял клубу.

В 2011 году здоровье Петра Ивановича стало заметно ухудшаться, но, несмотря на это, он в сопровождении членов «Белой сирени» часто выезжал в город на различные общественные мероприятия, читал свои стихи, которые вызывали у слушателей большой интерес и, надо сказать, в кругу любителей поэзии он стал весьма известным человеком. Его часто сопровождала замечательная женщина – заслуженный учитель Российской Федерации, член поэтического клуба, проживающая в соседнем с ним доме Раиса Никитична Оробей. Заботились о нём и другие члены клуба, провожали и посещали дом: Каминская Лариса Михайловна, Новосёлова Надежда Владимировна, навещали Петра Ивановича – Пархоменко Николай Андреевич, Зайцев Иван Семёнович, известный поэт и философ Ключников Юрий Михайлович и другие люди, в основном, связанные с поэтическим творчеством. Со многими он общался по телефону.

Несмотря на то, что Пётр Иванович был совершенно слепым, он не терял самообладания, оптимизма и спешил,

спешил работать. Задумал и осуществлял очень интересную и необычную работу. Создавал своеобразную антологию – галерею портретов, писателей, поэтов, драматургов всех времён и народов, вмещая свою субъективную характеристику на каждого в двадцать поэтических строк.

Чувствуя надвигающуюся беду, я обратился к моему товарищу, известному в городе и области журналисту радио «Слово», тёжке Вдовина, Петру Ивановичу Матвеюку. Журналист решил записать и запустить в эфир рассказ П.И.Вдовина о себе, своей жизни и творчестве. Надо было спешить. Планировалось провести серию радиопередач об этом интересном человеке. Так мы и сделали...

Вышли 28 декабря 2011 года из дома и шли с Петром Ивановичем Матвеюком до автобусной остановки грустные и молчаливые. Через три недели Петра Ивановича Вдовина не стало, но он успел послушать две передачи. Слушали не только мы, его друзья, знакомые и товарищи, проживающие в городе, но и многие жители области, знавшие об этом необыкновенном человеке – некоторые потом звонили нам из районов и деревень. Я знаю точно, что многие плакали, слушая его взволнованный, выразительный рассказ.

«Родился я, официально, в Ленинграде и в начале войны жил с моим старшим братишкой и бабушкой. С ней мы и переживали блокадное время.

Мама, когда началась война, ушла защищать Ленинград. Ещё до войны она занималась в кружке «Ворошиловский стрелок», там научилась хорошо стрелять, поэтому была направлена с армией снайпером. Отец был танкистом и воевал где-то на Юге. Наша бабушка, с которой мы жили, была очень хорошим и добрым человеком. По крови она нам была не родной – когда-то вышла замуж за нашего деда, причём пошла на троих детей. Своих детей у неё с дедом не было,

но она всегда для нас была родной. Сами понимаете, как мы выживали в блокадном городе, особенно голодали зимой 1942 года. Есть было нечего, где и как наша бабушка добывала для нас пропитание, не знаю. Голодали страшно, были с братом живыми скелетами. Бабушка была верующей, всё время молилась и просила Бога о помощи, просила послать нам хотя бы по сухарику. Учила молитвам, заставляла молиться нас на коленях, но помощи, конечно, никакой не было.

И вот однажды она дошла до полного отчаяния и стала упрекать Бога, что он помогает фашистам, а не нам. А потом сказала: «Нет, ребята, всё! Нет никакого Бога, если бы он был, не могло быть, чтобы он нам не помог. Нет, нет! Не верьте, нет никакого Бога». Можете представить, в каком она была отчаянии. А потом собрала все иконы, куда-то их дела, не знаю, но больше мы не молились.

Где-то на следующий день (мы уже не различали дни) она откуда-то, кажется, из матраца достала припрятанные там два сухарика, дала нам, а сама легла на кровать и так лежала неподвижно. Мы с братом съели сухарики и уснули, а ночью вдруг нас разбудил раздирающий крик. Это кричала наша соседка по квартире, одинокая женщина, которую мы звали тётя Рая. Оказалось, она услышала в нашей с бабушкой комнате шум и писк, зажгла какую-то плошку – светильник, вошла в нашу комнату и закричала от охватившего её ужаса. На кровати лежит недвижимая бабушка, вокруг неё возятся, толкаются и пищат крысы... а наша бабушка уже ничего не слышит и не чувствует... Оказалось, у нас была не плотно закрыта входная дверь и голодные крысы проникли через щель.

Вот такие, значит, дела». (П.И. вздохнул, помолчал, а потом продолжил).

«Когда ночь прошла и стало светло, тётя Рая собрала нас с Колей и отвела в специальный детский приют, где собирали

детишек. Мы там жили некоторое время, а потом, по ледовой дороге через Ладогу нас-детей на машинах вывезли по этой дороге из блокадного города. Ехали долго, потом рассадили на какой-то станции по вагонам и на поезде куда-то тоже долго везли и привезли, как мы потом узнали, под город Пермь, в село Усть-Кочка – в детский дом. Тут нас помаленьку стали подкармливать и мы оживали. А ещё, помню, недалеко был госпиталь, мы туда частенько наведывались, иногда перепадало кое-что от раненых солдат, то корочку хлеба, то кусочек сахара.

Ещё надо сказать о матери. Я говорил, что она была снайпером, но, между прочим, видела только одним правым глазом, а левый с виду выглядел, как обычный глаз, но она им совсем не видела. Отец, кажется, долгое время даже и не догадывался, что она, фактически, одноглазая. Вот ведь какие бывают случаи! Потом я маме посвятил поэму в стихах и назвал «Одноглазая кукушка». Вы ведь знаете, что ещё с «финской» войны снайперов называли «кукушками».

После прорыва блокады, летом 1944 года, мать отпустили из армии. Она нашла нас с Колей. Приехала, забрала из детдома и мы все уехали на Украину, в Винницкую область. Там ещё до войны жили её родственники в селе Колоденько, это рядом с большой узловой станцией Лапняркой. Эти места освободили от фашистов незадолго до нашего приезда, немецкие самолёты уже при нас прилетали бомбить эту станцию, и мы слышали взрывы. В селе как-то сохранился небольшой домик наших родственников, в котором никто не жил и мы в нём поселились.

Помаленьку стали обживать на новом месте, там же потом мы все учились в школе. Закончилась война, а об отце не было никаких известий.

Потом дошёл до матери слух, что где-то, на какой-то станции видели калеку без ног, и мать забеспокоилась, а вдруг это

её муж и боится в таком виде возвращаться! В 1947 году она всё-таки отправилась на его поиски, искала по всем близлежащим городам и станциям и нашла. Это, действительно, был её муж. Он отказывался ехать с ней, боялся быть обузой в семье, но мать всё-таки уговорила его и привезла домой. Как оказалось, во время освобождения Польши, танк был подбит и горел, товарищи вытащили его, спасли жизнь, но обе ноги были перебиты.

Дома отец сапожничал. Он у нас был человеком необычным. Сам он сирота, воспитывался в детской колонии, как у Макаренко, но был очень толковым. Любил читать книжки и обладал очень хорошей врождённой памятью. Вообще, у них с матерью было за совместную жизнь рождено тринадцать детей, но выжили только восемь. Хочется рассказать, как наш Батя воспитывал нас и тренировал память. Одно время, ежедневно давал нам задание выучить наизусть страницу текста, стихи там или прозу – не важно. На следующий день посадит нас рядом и спрашивает по очереди, если кто плохо выучил или сбивается, отправлял назад, за последним, доучивать. Ещё заставлял эти тексты записывать, обязательно аккуратным каллиграфическим почерком. Так у нас развивалась память и прилежание. Учились все хорошо, никто не знал даже, что такое четвёрка. Я запоминал всё быстро, многое удерживал в памяти и в школе меня называли «Ходячая энциклопедия». У нас в семье, в итоге, все получили высшее образование. Это качество семейное передалось и по наследству. Вот сейчас наш с Екатериной сын Женя в тридцать четыре года – доктор наук и заместитель директора Института математики в Академгородке, в Новосибирске. Он ещё в школе занимал первые места на всех математических конкурсах и олимпиадах.

А вот как ещё нас воспитывал Батя. Как-то он собрал нас, всех детей вместе, и дал такое напутствие на всю жизнь.

– Сынки! Вы в жизнь пришли не наблюдателями праздными, а хозяевами, поэтому, когда по жизни пойдёте, по сторонам поглядывайте и если увидите, что кто-то чего-то делает, а ты не умеешь, остановись, приглядиись, научись, а потом иди дальше. Да не забудь потом, сукин сын, других научить!

Я всю жизнь чего-то постигал, всю жизнь следовал отцовскому завету, учился всему. В детстве хорошо рисовал, пытался писать стихи. Повзрослел – занимался спортом. Когда был курсантом военного училища, занимался борьбой и боксом. Добился звания Мастера спорта по обоим видам, был чемпионом Ленинграда и Ленинградского военного округа. Боролся до трицати шести лет. Но, вообще, спортом я занимался для общего развития, это для меня было не главным, главное – это служба, тем более, что более тринадцать лет её прошли за границей нашей Родины.

Получилось, таким образом, что я всю жизнь выполнял наказ Бати, многому научился и многое постиг.

После окончания Ленинградского Высшего артиллерийского инженерного училища в конце 50-х годов я был направлен в качестве инженера-ракетчика в одну из частей ракетных войск, на Северном Флоте. Наша часть соседствовала и взаимодействовала с лётчиками морской авиации и, как оказалось, именно с той лётной частью, в которой служил будущий первый космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. В посёлке Корзуново, где они жили, мне приходилось бывать много раз, знал и общался по службе со многими лётчиками, и кто ж тогда мог подумать, что некоторые из них полетят в космос. Летал с ними по службе на разные точки, в том числе и на Новую Землю, но такой уж близкой дружбы не было. Хорошо помню, что в те годы продолжалось ещё то «хрущёвское» сокращение армии, многих офицеров отправляли в отставку, но нас – ракетчиков не трогали. Ещё был,

помню, ажиотаж, когда лётчиков отбирали в создававшийся только отряд по подготовке космонавтов. При отборе были очень строгие специфические требования и по здоровью, и по габаритам, и, конечно, по общему развитию. Я тогда тоже мечтал и хотел бы пройти этот отбор, но никак не подходил, особенно по габаритам, ведь во мне было без грамма жира во семьдесят два килограмма веса, да и профессия была другая.

Отобрали тогда группу лётчиков и отправили в Москву, а меня, как ракетчика, ещё таких ребят, как я и некоторых лётчиков вскоре отправили на Кубу, где назревал тот самый, известный теперь всем кризис. Обстановка была очень сложная и опасная, ведь мы, вскоре, оказались в самом пекле. Потом уже, я эти события описал в поэме, которую назвал «Кубинской». А тогда было так, что 12 апреля 1961 года Гагарин полетел в космос, а 13-го числа американцы пытались нас «смахнуть» с Кубы.

Во Вьетнаме мне пришлось повоевать в середине 60-х годов прошлого века в качестве китайского добровольца. Числился я там как Вдо Вин. Форму одежды носили китайскую, командовали нами китайцы, командовал соединением также китайский генерал, который вполне прилично говорил по-русски. Наша страна официально в той войне не участвовала. Мы – добровольцы помогали дружественному нашей стране Вьетнаму в борьбе с американскими агрессорами. Американцы, конечно, значительно превосходили вьетнамцев по техническому вооружению. В основном они воевали, как сейчас говорят, бесконтактно, то есть бомбили, в том числе и напалмовыми бомбами. Выжигали землю, уничтожая, буквально, всё, потому что взрыв напалма давал температуру более семь тысяч градусов, выгорал даже тростник на болотах. Противодействовали американцам вьетнамские партизаны, поэтому агрессоры бомбили и выжигали все сёла

и населённые пункты вместе с жителями, то есть с женщинами и детьми.

Мы, ракетчики, как всегда, взаимодействовали и жили рядом с лётчиками. Аэродромы были на китайской территории. Наши лётчики летали на МиГ-17, а американцы на Ф-16, которые тяжелее наших в полтора-два раза и вооружение у них было посильнее. Нашим лётчикам редко удавалось их сбивать, но всё же и мы их жгли, в том числе, и с нашей помощью. Американцы вели себя подло. Мало того, что выжигали землю напалмом, но ещё и расстреливали мирных людей с самолётов, как фашисты, бывало, расстреливали наших беженцев в ту войну. Можете представить, как вьетнамцы их ненавидели.

На территории, где мы воевали, порой, по полтора—два месяца нам не только воевать, а и вообще чем-нибудь заниматься не давали муссонные дожди. Устанавливалось вынужденное, вроде как, перемирие. Читали книги, в шахматы играли и ещё был рядом закрытый спортзал, где мы играли в волейбол.

Закончилось моё пребывание в Китае и медицинская практика тем, что я был серьёзно ранен. Там недалеко, рядом с вьетнамской границей, были какие-то дамбы, которые почему-то не бомбились. Однажды я шёл вдоль этой дамбы, и вдруг появился американский вертолёт и открыл на меня охоту. Пустил в меня пулемётную очередь, и одна пуля задела ногу выше колена, я бросился в тростник, но он, видимо, потеряв меня, сбросил осколочную бомбочку, которая рядом взорвалась и три осколка попали мне в ноги, а один — в глаз, не в сам глаз, а просто рядышком с правым глазом. На этом я и отвоевался. Вскоре меня отправили на родину, а после лечения был направлен для дальнейшей службы в качестве инженера-ракетчика в Группу советских войск в Германии, где служил много лет и в отставку ушёл с должности глав-

ного инженера ракетного соединения. Ушёл не по доброй воле. Как-то у нас случился пожар, который мог привести к непредсказуемой ситуации. Я, конечно, принял активное участие в тушении пожара, который нам удалось погасить, но я пострадал: слегка обгорел, а главное, получил серьёзный ожог дыхательных путей».

Журналист: Пётр Иванович, вы ведь военный полковник, а откуда и когда у Вас проявился поэтический дар?

– Я в детстве как-то пас нашу коровку в деревне на Украине, где мы жили, и произошёл такой случай. На краю деревни, возле одного дома была из навоза сложена такая большая куча и однажды эта куча, прогревшись на солнцепёке, загорелась. А у нас в селе был такой чудаковатый мужик – стихоплёт, звали которого Пётр Туня – прозвище такое. Проходил он возле меня и говорит:

– Петька, ты смотри: «Вот Мария строго прогневила Бога, прогневила весь народ – загорелся огород».

Когда я услышал такое складное изречение, очень удивился. Мне было, наверное, лет семь, но я запомнил его выражение, и мне захотелось самому подбирать слова, как бы в рифму, стихоплётничать. А потом, уже в школе, мои стихи стали иногда печатать в стенной газете, а когда учился в восьмом классе, как-то одно моё стихотворение было напечатано даже в «Пионерской правде», была такая всесоюзная детская газета, её многие выписывали и читали. Тогда девчонки ещё меня дразнили «поэтом». Ну и ещё повлияло, что отец нас не только заставлял учить стихи наизусть, но мы, вообще, много читали.

Журналист: А сейчас над чем работаете?

– Сейчас, в моём сложном положении, меня выручает память. Я решил создать своеобразную антологию – галерею, где в двадцати поэтических строках даю свою характеристику

всему писательскому миру планеты: от древности до наших дней. На сегодняшний день я уже составил 350 таких портретов. Не знаю, успею ли завершить эту работу.

Сейчас мне помогают хорошие люди, целая издательская группа. Подключился и Ореховский А.И., и Амшинский Н.Н., и Сычёв А.В., Олейников А.А., Оробей Р.Н., Надюшка Новосёлова, Карелина Т.И., Каминская Л.М., Шевяков Н.П., Пархоменко Н.А., студенты из педагогического университета помогают, особенно Ирочка Ливинская.

Конечно, хотел бы опубликовать эту мою большую работу и в электронном виде, и в печатном, знаю, что уже сейчас есть заявки из библиотек на такую книгу, но, конечно, это не просто, тут нужны немалые деньги.

Журналист: А Вы не могли бы сейчас прочитать и представить один из таких поэтических портретов.

– Получилось так, что первый поэтический портрет был посвящён С.А. Есенину. Как-то я был в гостях у ребят, сослуживцев в Рязани, и под впечатлением посещения родных мест поэта написал.

Так вот появился первый портрет, а затем пошли классики древности, зарубежные, русские и советские классики, наши современники, в том числе сибирские писатели, драматурги, поэты. И всё это цеплялось одно за другое, как по веточке. Вот, например, в поэтическом клубе «Белая сирень», возглавляемом Исааком Соломоновичем Цейтлиным, мы познакомились с Владимиром Васильевичем Карасёвым, который вот тут сидит рядом с нами.

Журналист: А из наших знакомых там будут имена?

– Ну конечно, вон там в шкафу папка лежит и в ней целый список, в том числе многих известных у нас в городе людей. Всех-то я не могу поместить, ведь я оцениваю по качеству стихов и по общему вкладу в дело просвещения. Ещё у меня

есть готовый материал на военно-патриотическую тему, тему защиты нашего Отечества. Материал большой и состоит из трёх частей: первая часть – это поэтическая летопись Великой Отечественной войны. Вторая часть: десять поэм «По дорогам войны» и третья часть «По дорогам холодной войны». Председатель Совета ветеранов нашей области, депутат Областного Совета Вячеслав Васильевич Журавлёв пообещал включить в план первого квартала 2012 года издание этой моей книги, я бы очень хотел, чтобы эта книжка вышла, потому что темы, затронутые в ней, мне очень близки и дороги.

Планов-то и наработок много, вот только здоровья и времени, по-видимому, совсем мало. Есть материал, и хотел бы издать «Познавательную научно-техническую энциклопедию животного мира планеты Земля». Проиллюстрировать такое издание уже согласилась удивительно талантливая художник Любовь Павловна Лазарева. Есть ещё материал на книгу: «Разговор с растительным миром земли». Есть уже написанные мной около двадцати сказок в стихах, но они пока лежат и никуда не введены, хотел бы посвятить их своей пятилетней внучке Полине. Интересна её фантазия.

Журналист: Пётр Иванович, я Вас записываю вот уже семьдесят семь минут, наверное, устали?

– Да нет, не очень, я даже как-то прибодрился, ведь я же стихи могу читать часами. Сейчас мы, конечно, будем заканчивать нашу беседу, и я хочу ещё сказать, что ни в какую писательскую организацию я не пытался вступить, печатался только иногда в газетах, журналах. Моим первым учителем и примером был известный ленинградский поэт – фронтовик Михаил Александрович Дудин. У него есть поэма «Пулемётный расчёт», а в этом расчёте во время войны был заряжающим мой дядя, а первым номером – сам Дудин. Они вместе воевали и в Финской войне и в блокадном Ленинграде.

Журналист: Ну, давайте будем заканчивать, а то мы Вас совсем утомили. Спасибо, Пётр Иванович, за рассказ, за Ваши стихи, за Ваше мужество и человеческую доброту, которую Вы пронесли и сохранили через всю жизнь. Я постараюсь побыстрее обработать эти записи и пустить в эфир, а о том, когда будут передачи, я Вам позвоню.

Пётр Иванович проводил нас до двери, мы пожали друг другу руки и попрощались, как оказалось, навсегда.

Председатель областного Совета ветеранов Вячеслав Васильевич Журавлёв исполнил своё обещание, и в 2012 году была прекрасно издана оргкомитетом «Победа» книга Петра Ивановича Вдовина «Священная война великого народа», некоторые стихи из которой я позволю себе сейчас здесь представить.

* * *

*Пионеру-партизану, Герою Советского
Союза Марату Казею посвящаю*

Мелькают мгновенья, секунды, минуты,
И дни безвозвратно бегут почему-то.
Всё в вечном движенье, и жизнь наша – бег,
Очнись на мгновенье, замри, человек!

Здесь спит партизан – белобрысый мальчишка,
Которому впору лишь с книжкой под мышкой,
А он с автоматом, с гранатой в руке,
Он видел прекрасную жизнь вдалеке,
И ради неё, этой будущей жизни,
Себя подорвал он, спасая Отчизну.
Себя подорвал, но не сдался врагу,
И вражий отряд с ним полёг на снегу.

Замри, человек, на минуту покоя,
Минутой молчанья почтишь ты героя,
Всего лишь минутой за долгую жизнь,
Герою за жизнь ты свою поклонись.